

26. 7. 94.

Солженицын Александр

13

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

Александр Солженицын едет по России

Моск. новости. - 1994 - 26 июля - Зингер. - с. 35

— Будет ли сам факт его возвращения играть какую-то роль в жизни страны? Думаю, да, уже играет, — сказала жена писателя Наталья Солженицына на встрече московских литераторов, устроенной недавно международным пресс-центром и клубом «Москва». Во всяком случае в определении писательских позиций этот факт свою роль сыграл. Патриоты — резко против, демократы и либералы — с энтузиазмом за. Если первые все упреки обращают непосредственно

Наталья Солженицына

Николай ТАЛКИН

Солженицыну, вторые — друг другу, что для демократов естественно не только в этом вопросе. Разгоревшаяся было на встрече дискуссия быстро сникла, ибо все внимание было обращено на Наталью Дмитриевну, которую кто-то поспешил сравнить с женами декабристов, следовавшими за мужьями в Сибирь. Солженицына посмеялась: она-то из Сибири как раз сбежала завершать московские дела. Возвращение в столицу самого писателя ожидается через несколько недель: сколько у него хватит сил, он будет ехать вдоль великой сибирской дороги. А пока — некоторые впечатления глазами Натальи Дмитриевны.

КАК ВОЗНИКЛА ЭТА ИДЕЯ

— В 1974 году, сразу после высылки, он сказал мне: не могу объяснить, почему и как, но я твердо чувствую, что мы еще при жизни вернемся. И добавил: поедем-ка обратно через Сибирь, я ее плохо знаю, видел только из

окна тюремного вагона. Я всегда верила, что так и будет, хотя с началом афганской войны очень сильно затосковала. Опять стали сажать, трудно было со связью, и мне порой казалось, что возврат, может, никогда и не наступит. Но с 1992-го я уже в Москве занималась подготовкой этой поездки.

Ошибочно думать, что Солженицын вернулся, чтобы играть здесь какую-то роль. Он вернулся в Россию, чтобы здесь жить.

ХУДОЖНИК И ГРАЖДАНИН

— Куда в первую очередь надо повернуть гаран Солженицына, вопрос не ко мне, но полагаю, что по мере сил он вдвинется во все и будет помогать тому делу, которое считает самым жгучим сегодня. Одного я не могу признать: деления Солженицына на писателя, публициста, человека, как и попыток разъединить судьбу литератора и судьбу гражданина. Такого вообще не бывает, тем более у художника слова. Это одно явление, один человек, одна личность. У него могут быть более сильные и более слабые стороны, но все абсолютно неразделимо, и я как довольно близкий свидетель того, как он живет, как он пишет, на этом настаиваю.

В ПУТИ

— Дорога не короткая, Солженицын повсюду останавливается на несколько дней, работая по 14 часов в сутки. То, что показы-

вают по Центральному телевидению — как Солженицын идет с букетом от губернатора или от школьницы, — абсолютно не дает реальной картины. Когда я уезжала, он сказал: видишь, поездка уже оправдала себя больше, чем мы могли ожидать в лучших мечтах. Общенье Солженицына с людьми — это не монолог и даже не диалог, это по преимуществу бурное, вулканическое словоизвержение собеседников Александра Исаевича, которых он очень умело вызывает на разговор. 70 процентов времени говорят они, а Солженицын сидит и записывает. На некоторые встречи он просит журналистов не ходить, потому что при них людям говорить трудно, а цель писателя — слушать. Но большие встречи может записывать кто угодно. Такие записи делались во Владивостоке, Хабаровске, Улан-Удэ, в Иркутске, Красноярске. Почему это не показывают в Москве, я не знаю.

Вполне допускаю, что части москвичей Солженицын не интересен, но почему же не использовать прекрасную возможность услышать, что думают и говорят люди на местах?

ЧТО ГОВОРЯТ ЛЮДИ НА МЕСТАХ

— В первый день приезда во Владивосток мы пошли в краевую больницу: у Солженицына интерес к врачам еще со времен «Ракетного корпуса». Сели в лифт, чтобы подняться на пятый этаж в хирургическое отделение, но кабина стала медленно опускаться в подвал, и мы застряли на полчаса. Александр Исаевич времени не терял, достал записную книжку и начал интервьюировать главного врача. Беседа продолжалась в его кабинете еще два с половиной часа. В этой больнице делают операции, до которых и в Москве не дошли, а зарплата врача — 150 тысяч при том,

что буханка хлеба стоит тысячу. Люди уходят. Но уйти можно в 30 лет, а в 45 куда податься? Впечатление такое, что в России тяжелее всех не молодежи, которая быстро приспосабливается к новым условиям, и не старикам, у которых все-таки неплохие пенсии, а самому главному, производящему слою населения. Поколение от 40 и старше действительно сбито с ног. Это не вопрос поисков своего «я» — хотя очень многие любят свою профессию и не хотели бы с нею расставаться, — это обвал, жизненная трагедия. В Хабаровске пять заводов, три закрываются. Что этим людям делать? Это же огромная пороховая бочка.

САМАЯ БОЛЬШАЯ НЕОЖИДАННОСТЬ

— Но вопреки всему мы не видели агрессивных людей. Они мрачны, да, но неправда, что они апатичны. Вот это нас поразило: люди полны энергии и желания наладить свою жизнь.

В Вермонте мы слушали все российские радиостанции и читали массу газетных вырезок, получали много писем. К сложившемуся у нас представлению об экономике положение дел в стране увиденное ничего нового не добавляет. Но мы настроились на совсем другую картину умов и людского потенциала. Оказалось же, что в стране, которую столько лет держали под колпаком, люди готовы к новому повороту событий. Они не опустили руки, преисполнены здравого смысла и воли к жизни. Это самая большая и самая приятная неожиданность.

Ольга МАРТЫНЕНКО